

ANDROID SCIENCE И НЕОМИФОЛОГИЗМ*

С.М. КЛИМОВА

То, что мешает человеку и тревожит его –
это не вещи, а его мнения и фантазии о вещах.

Эпиктет

Один из основателей Android science (наука об андроидах) – глава лаборатории робототехники Университета Осаки профессор Хироси Исигуро справедливо отмечал, что многие философские проблемы сегодня получили новое значение благодаря робототехнике (Robotics). Сама по себе тема взаимодействия человека и робота, а через эту цепочку – человека с человеком – чрезвычайно сложна и обнажает множественность проблемных зон и интерпретаций. При этом человек, конечно, первичен и понимание его сущности остается приоритетным даже и для робототехники. Без познания человека и специфики взаимодействия людей невозможно создать образ робота¹.

Сегодня на смену древнему и вечному призыву: *Познай самого себя* – пришел не менее звучный: *Создай самого себя*². В современном обществе человек, зная все и обо всем, почти ничего не знает о самом себе, относится к себе как к постороннему – объекту, который занимает его гораздо меньше, чем технологические игрушки цивилизации, или занимает именно как игрушка определенного типа. С этой ситуацией можно или смириться, или осудить ее, или проигнорировать, но гораздо важнее ее проанализировать и попытаться понять природу и сущность данного явления. Как ни покажется странным, именно эту задачу мы и обнаруживаем в AS (Android science) в целом и в идеях Хироси Исигуро – конкретно.

AS позволила выявить один из важнейших векторов кризисного состояния современной антропологии: потерю межличностной коммуникации, и как результат – возникновение психологических и социальных трудностей непосредственного общения людей, обострение чувства одиночества, распад родовых, социальных, межличностных связей, экзистенциальный страх перед другим человеком, его телесностью, разумом, эмоциональностью (душой, если угодно). В конечном итоге все это делает насущным новый виток «поиска самого себя», прежде всего, собственной идентичности, но уже в новых цивилизационных условиях и в новой технологической форме. Человек вынуж-

* Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки РФ Белгородскому государственному национальному исследовательскому университету на 2013 г. «Комплексный анализ религиозного опыта современных россиян: научное противодействие националистически-религиозному экстремизму», грант № 6.1239.2011.

ден восстанавливать свои связи с миром и самим собой через оппозицию: *человек – машина*. При этом под «машиной» подразумеваются, прежде всего, новейшие типы роботов-андроидов (Humanlikeness³). Специфика данного типа роботов – высокая степень антропоморфности – невольно обращает нас к идее мифо-символического универсума. Миф и техника – взаимосвязанные части современного универсума, из которых сплетается символическая сеть современной культуры и ментальных процессов. Никакая физическая (природа)/объективная реальность давно уже не противостоит человеку; он с ней давно уже не сталкивается непосредственно; весь мир стал технологомифо-символическим, как, собственно, и сам человек. AS – наглядное тому подтверждение.

«Мы не настолько знаем себя, насколько знаем других» – один из тезисов Хироси Исигуро, тесно связанный с другим аспектом проблемы, заключенным в ответе на вопрос: «Что такое человеческая идентичность?»⁴ Ученый в своих работах постоянно доказывает, что проблема создания человекообразных роботов (Humanlikeness) – прежде всего проблема идентичности человека – его способности к социализации и коммуникации, пониманию другого как личности и самое главное – к познанию самого себя. Сложность заключается в том, что процесс самопознания (идентичности) потребовал создания точной (физической) копии – схожего «лица», каким обладает познающая личность, что демонстрирует серьезнейшую проблему современного общества – потерю человеком собственной целостности, его отчужденность от других людей, общества, культуры, природы и от самого себя, и неклассическое представление о самом себе. Человек обрел патологическую зависимость от созданного им самим технологического кокона внешнего мира и постарался встроить себя внутрь него. Кажется, нет никакой возможности вернуться к самому себе, так как для этого нужно суметь разорвать цепь, связывающую нас с созданным самим человеком фило-механистическим миром, основывающимся на культе так называемых инновационных технологий. Решить эту проблему Хироси Исигуро берется с помощью создания андроидов – Humanlikeness, приведших на практике, с одной стороны, к психологической оппозиции *живого – неживого* – эффекту «зловещей долины»⁵, а с другой стороны, – к попыткам репрезентации через эту же оппозицию новой – неомифологической – антропологии.

Данная тема обсуждалась на семинаре: HRI (Human-Robot Interaction), прошедшем в марте 2013 г. в Японии: «Один из подходов – создание копии человеческой личности. Хотя этот экстрим поможет нам объяснить, как мы познаем другую личность, необходимо принять в расчет и эффект Зловещей долины. Базовые вопросы, включая и вопрос о том, почему мы испытываем данный эффект и как мы его преодолеваем, направлен на то, чтобы по-новому взглянуть на меха-

низм нашего восприятия человекоподобия. Другой подход — извлечение важных элементов из того, что представляет собой человеческий облик и поведение — направлен на создание образа компьютерно-душевных человеческих характеров. Минимальное требование заключается в том, чтобы инициировать межличностное поведение для обеспечения более эффективного и простого пути формирования социальных посредников, призванных *облегчить* (курсив мой. — С. К.) общение между людьми»⁶.

Андроид, помимо прочего, стал выполнять функцию медиума — посредника в диалоге и взаимопонимании между людьми. Если разобратся по существу: а зачем человеку нужен андроид, то ответы могут натолкнуть на неожиданные ассоциации и интерпретации. Увидеть себя через свое Другое — задача вполне рациональная, но одновременно и мифологическая. Выход за пределы самого себя в акте самопознания/творения свойствен и поведению любых богов, и например, движению гегелевского Абсолюта к полноте самопознания.

Андроид-медиум демонстрирует неспособность (нежелание) современного человека познать самого себя в акте рефлексии (через автобиографии, дневники, письма, исповеди, художественные произведения, эссе, философские биографии и т.д.), как это было раньше. Никакая психология также не в силах помочь в этом. «Интроспекция открывает нам лишь малую часть человеческой жизни, которая доступна индивидуальному опыту: она не в состоянии охватить все поле человеческих феноменов. Ведь даже если мы соберем и скомбинируем все данные о человеке, мы все равно получим лишь бедную и фрагментарную — словно туловище без головы и ног — картину человеческой природы»⁷.

С другой стороны, робототехника — это такой же акт творчества, как и любое «дело творца». Ученый создает произведение, которое отделяется от него и живет своей жизнью. В созданном произведении он реализует = воплощает себя; в нем сохраняется его духовная сущность, которая по сути и обеспечивает творческому человеку, если не бессмертие, то, по крайней мере, долголетие. В этом смысле, хотя андроид, безусловно, также результат творения, но творения специфического — цивилизационного характера. Андроид — не произведение, но результат развития человеческой мысли, созданный для «потребления», подобно любому другому продукту цивилизации. При этом его уникальность в *человекообразности* и одновременно — *высокой технологичности*. Он вполне может стать визуальной автобиографией своего создателя, и, следовательно, быть важным способом самопознания. Но, с другой стороны, андроид — не-Я, не мое Другое, не зеркало личности, со всем богатством и многообразием ее сущностных черт, но медиум, он механическая модель некоего идеального человека (по замыслу Хироси Исигуро), призванная собрать двух односторонних (отчужденных) субъектов коммуникации в нечто целостное — сообщество или целостную личность.

Необходимо упомянуть еще один аспект проблемы идентичности современных людей: медиа-пространство, в которое погружен человек, привело к тому, что он стал воспринимать себя квази-аудио-визуально и телесно. Теперь человек, растворившись в культурном пространстве своего повседневного бытия, стремится вынести свою сущность вовне, создать чувственно-наглядно свой образ и подобие в другом — человекоподобном существе. Именно современные технологии наводят его на мысль, что он не знает себя. Хироси Исигуро утверждает, что мы не знаем, как мы выглядим, какой у нас голос, какие у нас привычки. И это незнание открывается нам благодаря аудио-визуальному кокону, внутри которого мы расположились как в новой сущностной оболочке мира культуры. При этом ученый оставляет в стороне вопрос о том, почему же так важно пристально взглядеться в свою телесность, насколько знание себя внешнего является пониманием собственной идентичности, не становится ли этот внешний Другой (клон) опасной ловушкой для отождествления телесности с личностным и нравственным началами в человеке. И еще один вопрос: насколько созданная модель андроида идеальна и нужно ли закладывать в нее характеристики совести, не последние для понимания человека еще совсем недавно? Ошибки современных пессимистов и критиков в том, что ответы они ищут совсем в другой — традиционной — системе антропо-культурных координат. Возможный ответ на этот вопрос, как ни странно, стоит поискать в двух диаметрально противоположных хронотопах: прошлом (достаточно условном с точки зрения рациональности) и точно таком же условном — будущем.

Тема Humanlikeness вводит нас в глубину истории человеческого развития, в самые древние пласты мировосприятия, традиционно связанные с мифологией, религией (Godlike) и первобытным мышлением. Издревле люди видели мир как себе подобный, одушевляя, очеловечивая «верх и низ» — небо и землю, живое и мертвое. Антропоморфизм — это, прежде всего, способ выживания и установления идентичности людей. Наделять весь окружающий мир своими чертами — нормальное проявление человеческого присутствия и антропоцентризма. Древнейший антропоморфизм связан с наделением человеческими качествами (одушевление) животных, предметов окружающего мира, мифологических персонажей. Тема Humanlikeness настоятельно требует нашего обращения к глубинам человеческой психики, мышления, сознания, **в которых присутствует мифологический компонент**, с удивительным постоянством обнаруживающий себя в кризисных, переходных ситуациях. Антропоморфизация человекоподобных роботов открывает новые способы познания не только первобытного мышления и мифологии, но и постоянно создаваемой и спорадически востребованной неомифологии. В мифе нет четкого различения субъекта и объекта, предмета и знака, вещи и слова, существа и его имени;

также не проводится принципиальное различие между естественным и сверхъестественным. Миф — знаково-символическая система, характеризующаяся безразличием к противоречиям, сверхслабым развитием абстрактного мышления, метафоричностью, эмоциональностью, приматом ритуально-обрядовой формы, т.е. практики над идеологией. Между идеями AS и первобытной мифологией (мифомышлением) лежит глубинная идейная связь, отмеченная современными исследователями: «...различные ученые утверждают, что антропоморфизм есть приспособляемость; первые люди, толковавшие двусмысленные образы как человеческие, минимизировали свои риски быть убитыми врагом и максимизировали свои шансы обзавестись друзьями... Рассматривая постоянную склонность людей к антропоморфизации окружающего мира, нет ничего удивительного в том, что данной теме уделяется большое внимание в проблемах HRI»⁸.

Человек, находясь на ранних ступенях эволюции, очеловечивал окружающий мир, наделяя различные предметы человекоподобными характеристиками и свойствами. В этой связи любопытно вспомнить об антропогонических мифах, характерных для многих народов мира. В них речь идет не просто о создании человека: зачастую в них различаются создание (сотворение) человека как целого (тело) и его элементов — души/сердца/ума, воспринимающихся как составные части человека. Иногда в этих мифах говорится о сотворении отдельных органов человека (глаза, сердце, печень и т.д.), «причем изначальное их различие с точки зрения мифологического мышления оказывается более существенным, чем выделение людей из других существ, предметов, явлений»⁹. Эти мифы наглядно демонстрируют антропоцентрический код мировосприятия: весь космос осмыслен и описан по типу человеческого мира. Поэтому и возникновение человека, создание его высшими существами — богами — мыслится через антропоподобное конструирование, как снятие границы между живым и неживым, душой и телом, верхом и низом, природным (зооморфным) и человеческим. Но странным образом эти же границы начинают стираться и в AS. Говоря современным языком, мифы зачастую нам описывают вполне технологические способы делания человека на манер создания современных роботов-андроидов (вплоть до того, что боги их очень схоже с конструкторами учили жить свои создания в окружающей среде). Если мы научились понимать логику таких мифов, то мы вполне в состоянии понять аналогичные идеи современной робототехники. Далее, подобно тому, как ученые обнаружили связь между антропогоническими мифами и детским мышлением¹⁰, современные ученые обнаруживают ее между развитием личности из ребенка и созданием андроидов, чрезвычайно близких по типу к человеку. «Как предполагается, няньки непреднамеренно антропоморфизируют (думается, имеется в виду придание детям личностных черт. — С. К.)

детей – например, толкуя чисто рефлексивные выражения лица новорожденного как улыбку. Антропоморфизация человеческих детенышей, приписывая сознательные намерения их аффектам, может обладать эволюционной ценностью: она крепче привязывает няньку к ребенку и способствует освоению ребенком социальных взаимодействий. Социальная и развивающаяся робототехника нацелена на применение той же тенденции антропоморфизма в части построения “социо-интелигентного” робота»¹¹.

Некоторое инфантильное отношение к андроидам и одновременно их мифологизация могут быть проиллюстрированы рядом рассуждений Хироси Исигуро о своей (или другого человека) эмпатической связи с андроидом¹². Он неоднократно подчеркивал эмоциональную близость к андроиду, как к собственному телу. В частности, были приведены примеры болевых ощущений, которые испытывал ученый в тот момент, когда грубо обращались с его андроидом. Природу этих чувств чрезвычайно сложно понять и объяснить. Можно предположить, что здесь отражен процесс самовнушения, эмпатического сопереживания. Но как в таком случае быть с переживаниями людей, которые испытывают боль и страдания вне отношений «человек – робот», видя, как болеют или страдают другие (живые, не связанные с ними непосредственно или символически) люди или даже животные? Здесь возникает множество ассоциаций-примеров: эмпатическая связь матери с ребенком, творца с творением, мужа с женой, человека с человеком, живого с умершим, наконец. Проблема трансляции психического, успешно развиваемая именно восточными культурами, никак не отражена в идеологии ученого и его исследованиях. Сам Хироси Исигуро видит в этом зачатки телесного слияния со своим андроидом, общаясь с которым, он забывает (как и другие), что имеет дело с роботом, и воспринимает свою копию как самого себя, по сути, отождествляя себя – свою телесность – со своим внешним видом. В этом акте он возвращается к самому себе через свой образ-копию, создав которую, подобно Платону, он осуществляет удвоение мира, став человеком-демиургом и одновременно носителем идеи–идеального человека, и превратив андроида – свою копию – в человека (назовем этот феномен «робототехнический идеализм»). При этом творец андроида – человек, а не бог; ученый испытывает реальную боль при манипуляциях других людей с его андроидом. В этот момент «сопричастия» платоновский идеализм приобретает ярко выраженный характер мифа, в котором уже нет никакого познания, но есть непосредственное вещественное совпадение общей идеи и чувственного образа (А. Лосев). В любом случае мы фиксируем элементы эмпатии, сочувствия или сопричастия, испытываемые к живому или мертвому (искусственному) телу. В какой-то степени андроид – дитя, которое создатель любит и с которым он оказывается

связанным телесно-чувственной (чуть ли не родственной) связью, как творец со своим творением.

Можно сравнить чувства Хироси Исигуро с уникальными способностями первобытных к эмпатии с окружающим миром. Э. Каннети приводит любопытные примеры с телесными «превращениями» бушмена, который собственным телом чувствует рану отца; ощущает ремни жены, режущие ее плечи; зуд страуса, который чешет затылок; плоть, шерсть, кровь антилопы, которую он убивает на охоте. Со всеми этим «телами» он связан нитями первобытной родственной чувственности. На примере бушменов мы постигаем мифологическое размышление о существе, которое не есть ты сам. «Самое элементарное здесь заключается в том, что одно тело приравнивается к другому... Тело одного и того же бушмена становится телом его отца, жены, страуса и антилопы... *Собственная самотождественность, от которой бушмен может отказаться, сохраняется в превращениях* (курсив мой. — С. К.). Он может быть тем или другим, но то и другое отделено друг от друга, и поэтому между ними он всегда остается самим собой... Однако животное, на которое охотятся, — это особый случай, поскольку реально требуется плоть и кровь. Убив его и неся домой, бушмен особенно счастлив... Это мертвое тело, которое он несет, не его собственное; оно не может быть его собственным телом, ибо его он будет есть»¹³.

В мифологии бушменов выстраивается целостность *живого—неживого*; в робототехнике она преобразуется в структурную оппозицию *естественного—искусственного, человек—машина*. При этом бушмен в этой мифологической целостности способен к принципиальному различению живого и неживого, своего тела и убитого им животного, которое «он будет есть». Робототехника изначально имеет дело с искусственным (неживым) и в силу этого, как это ни юмористично звучит, оказывается неспособной к принципиальному различению живого и неживого — Human and Humanlikeness. Далее, первобытный человек одушевляет (о-живляет) окружающий мир, и через этот анимизм, с которым связана его способность к символизму, магизму, синкретизму и т.д., он оказывается соединенным в единое целое с космосом — природой и другими людьми. Робототехника, напротив, (по крайней мере, на данном этапе своих исследований и экспериментов) «изымает душу» не только из робота, но и из самого человека, не обнаруживая ее следов ни в интеллекте, ни в реакциях мозга, ни в теле, ни в эмоциях, т.е. в отдельных элементах, тем самым механически расчленила человека и собирая его в некую «машину». За этим стоит непонимание очевидного: того, что человек никогда не обретет целостность программированно-механического типа. При этом мифологизм проявляется в том, как японский ученый артикулирует идею стирания собственных (человеческих) границ при восприятии андроида. Многие люди говорили Исигуро: «Вы похожи на свой андроид». «Нет, это он похож на меня», —

поправлял Исигуро. На самом деле в первой формулировке заложена идея границы, отличия андроида (творения) от человека, стремление людей не только провести эту границу, но и сохранить ее. Гипотеза Исигуро заключается в обратном тезисе, который он и обосновывает: «Если человек бессознательно распознает андроида как человека, он или она будут вести себя с ним как с социальным партнером, даже если сознательно они распознают его как робота»¹⁴.

Конечно, это сходство не исключает и принципиально противоположные основания мифа и робототехники. В мифе люди — творения богов — первичны по отношению к своим творцам, что отражено в феномене тотальной антропоморфизации. В робототехнике антроиды вторичны и сопоставимы с человеком (творцом), который был и остается мерой их человечности и истинности (причем мифической или, по крайней мере, субъективной человечности и истинности). «Мы верим, что антроиды сопоставимы с человеком (не наоборот. — С. К.), точно так же, как гуманоиды и роботы-игрушки схожи с ним»¹⁵. То, что в научном анализе выглядит как сходство, в мифологическом воспринимается как тождество. Учитывая эту принципиальную разницу, мы в то же время оказываемся в головокружительной близости этих двух разных феноменов и обнаруживаем удивительную дескриптивную циклизацию между мифологическим мышлением и идеями антроидной науки. Робототехника создает искусственные предметы, но также наделяет их антропоморфными чертами и характеристиками. Такой эффект заложен в природе человека — его способности быть мерой и критерием всех вещей. В мифе через антропоморфизм достигается целостность человека, его собирание в телесно-духовно-душевное единство в процессе органической связи-соединенности друг с другом через род (природу). В робототехнике, человек наоборот схематизируется, распадается на «тело, мозг и желудок»¹⁶, он представляет собой некую запрограммированность, подобно своему творению — роботу. Целостность и коллективизм первобытного человека противостоят одиночеству и односторонности современного технического. Преодоление этого робототехника видит на пути, очень схожем с символизмом, характерным для того же самого мифомышления. В мифе конкретные предметы, не теряя своей конкретности, могут становиться знаками других предметов или явлений, т.е. символическими заместителями. В AS роботы призваны заменить утраченные людьми (думаем, что не до конца, конечно) чувства — любовь, привязанность, симпатию, человечность. Наиболее ярким примером стало изобретение теленоида (Teleoperation & Humanoid). Философия его облика (принципиальное отсутствие четкого сходства по гендерным и возрастным признакам с человеком, при этом — человек, бессознательно вызывающий положительные эмоции у всех смотрящих) призвана представить

утрированную модель всечеловека (первочеловека), в котором каждый желающий контактер (реальный человек) сможет увидеть любое желаемое лицо (японцы назвали теленоида – «дистанционный внук»). В теленоиде ученые видят и будущую замену телефону, который антропоморфизуется по типу кентавра: тело теленоида и голос реального человека. На символизм этих предметов указывает их ярко выраженная двойственность, или амбивалентность. Трудно предсказать, каким будет эффект, но ученые уверены, что этот тип робота – настоящее спасение от одиночества и источник душевных эмоций для живых людей. Обнимая куколку-кентавра, человек начинает ее чувствовать как часть себя. Он бессознательно ведет (и будет дальше вести?) себя с роботом как с предметом фетишизации, анимизирует его (благодаря аудиальному эффекту), делает его символом своих и чужих чувств. Отсутствие красивой внешности (appearence) парадоксальным образом возвращает технологическому миру душу, о которой ничего нельзя сказать принципиально на языке AS. Робот призван вернуть людям утраченные чувства и душевность, восстановить их живую связь, родственные отношения (семью), братские отношения (дружбу), любовные отношения, потерянные в мире технологий, рынка и потребительского общества. Бездушный должен внести душевность в природу человеческих отношений.

Робототехника не только обнаруживает *патологическое состояние современной бездушной и бездуховной цивилизации*, но и тем самым вписывается в более широкий цивилизационный контекст поисков по его преодолению, открывая уникальные возможности в познании самого себя. Сегодня очевидно, что человек вступает в «коэволюцию сам с собой» (Эрих Янч), что позволяет расширить горизонты его изучения, раскрыть уникальные аспекты взаимосвязи ума-тела-и духа с точки зрения новых возможностей понимания человеческой телесности, проявляющихся, в том числе и благодаря развитию робототехники.

ПРИМЕЧАНИЯ:

¹ См.: *Ishiguro H. Android Science: Conscious and Subconscious Recognition // Connection Science. Dec. 2006. Vol. 18. № 4. P. 320.*

² См. дискуссию, опубликованную в журнале «Человек» (Создай самого себя... (материалы круглого стола) // *Человек. 2013. № 1. С. 5 – 18.*

³ Чтобы избежать ассоциаций с христианской мифологией, было бы правильнее перевести данный термин не как человекоподобный, а как человекообразный (образ и подобие не одно и то же в христианском дискурсе).

⁴ URL: <http://www.hse.ru/video/38591371.html> (дата обращения: 10.02.2013).

⁵ Гипотеза о психологическом эффекте «зловещей долины» была разработана японским ученым Масахиро Мори в 1970 г. Она связана с психологической неприязнью и отвращением, испытываемым человеком при встрече с роботом-андридом, обладающим очень большой степенью внешней схожести с человеком. До сих пор нет однозначного объяснения этого феномена (URL: <http://www.gemi->

noid.jp/ws/Humanlikeness/). О реакциях не только человека, но даже обезьян на встречу со схожими обезьяноподобными роботами см: Like humans, monkey's fall into the uncanny valley. – URL: <http://www.princeton.edu/main/news/archive/S25/53/99A37> (дата обращения: 5.03.2013).

⁶ HRI 2013 Workshop on Design of Humanlikeness in HRI: from uncanny valley to minimal design. – URL: <http://www.geminoid.jp/ws/Humanlikeness> (дата обращения: 5.03.2013).

⁷ *Кассирер Э.* Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры. Что такое человек? // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. С. 4.

⁸ *Zlotowski J., Proudfoot D., Bartneck C.* More Human Than Human: Does The Uncanny Curve Really Matter? // Humanlikeness in HRI: from uncanny valley to minimal design. Humanlikeness 2013. P. 7 – 8.

⁹ *Иванов В.В.* Антропологические мифы // Мифы народов мира. В 2 т. Т. 1. – М., 1997. С. 87.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Zlotowski J., Proudfoot D., Bartneck C.* More Human Than Human... P. 8.

¹² URL: <http://www.hse.ru/video/38591371.html> (дата обращения: 1.03.2013).

¹³ *Каннети Э.* Превращение // Проблема человека в западной философии. – М., 1988. С. 488.

¹⁴ *Ishiguro H.* Android Science: Conscious and Subconscious Recognition // Connection Science. Dec. 2006. Vol. 18. № 4. P. 331.

¹⁵ *Zlotowski J., Proudfoot D., Bartneck C.* More Human Than Human... P. 9.

¹⁶ Именно так о человеке высказался Хироси Исигуро в своей лекции, сетуя на то, что руководство лаборатории не хочет ему платить зарплату, когда он посылает на работу своего андроида. Он не понимает почему. Ведь андроид – управляется им самим, а значит – то же самое, что и он, разве что не имеет мозга и желудка. Такой технологический редукционизм в отношении к собственной личности кажется чудовищным, как собственно и окончательный вывод о том, что у людей (и у антроидов, следовательно), нет души. Здесь видится реализация угрозы, о которой сказал сам Исигуро: можно добиться того, что вы будете считать себя андроидом – более чем опасная тенденция, хотя внешне схожая с тотемизмом первобытных, которые не просто чувствовали себя в родстве с тотемным животным, но и буквально были им (в своих поведенческих и ментальных установках).

Аннотация

Статья посвящена сопоставлению робототехники, андроидной науки и некоторым сходным с ней чертам современного неомифологического мышления. Происходит сравнение идей андроида (человекоподобия) и ранних антропоморфных мифов. Особое внимание уделено идее идентичности современного человека в контексте проблем робототехники и андроидной науки.

Ключевые слова: андроид, зловещая долина, эмпатия, идентичность, человекоподобие.

Summary

The article is devoted to a comparison of robotics, android science, and some similar traits of modern neo-mythology's thinking. We compares the ideas of the android (humanlikeness) and early anthropomorphic myths. Particular attention is paid to the idea of modern man identity in the context of robotics and android science.

Keywords: android, the uncanny Valley, human identity, empathy, humanlikeness.